

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАЛЬЧИШЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

**Сборник материалов
международной научной конференции
(17–18 ноября 2016 года)**

Под редакцией Е.Б. Хитрук

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

«Я НЕ МОГУ СЕБЕ ЭТОГО ПОЗВОЛИТЬ!»: СИСТЕМА ТАБУ В СОВРЕМЕННОЙ МАЛЬЧИШЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Екатерина Борисовна Хитрук

Кандидат философских наук, доцент, председатель ТРОО
«Общество научно-исследовательской и социально-психологической
поддержки мальчиков, юношей и мужчин»

В данном исследовании феномен мальчишества рассматривается в социокультурном контексте. Общая тенденция социальных наук сегодня заключается в экспликации приоритета культурных и социальных истоков общественных проблем по отношению к природным и эссенциальным определениям. Как пишет известный американский исследователь «мужского вопроса» Дэвид Гилмор, «...ответ на загадку возмужания должен лежать в сфере культуры: мы должны понять, почему культура преувеличивает биологические различия, и притом определенным образом» [1. С. 32]. Таким образом, необходимо наряду с традиционным представлением о мальчишестве как определенном периоде физиологического взросления индивида мужского пола, попытаться «увидеть» мальчишество как некий социокультурный феномен, сквозь призму установок современной культуры, учитывая специфические особенности мужской социализации.

Обращение к социокультурному контексту феномена «мальчишество» связано с некоторыми тревожными вопросами, остро представленными в современном обществе и обнажающими необходимость пристального внимания как к уникальной мальчишеской ситуации, так и к представлениям о мужественности, на которых эта ситуация базируется.

Как минимум три вопроса современной мальчишеской культуры требуют от представителей социальных исследований особенного отношения и признания в их основе специфически «мужского» аспекта.

Вопрос № 1. «Подростковая» преступность.

Термин «подростковая» умышленно употребляется в кавычках, чтобы подчеркнуть традиционно «бесполой» характер дискурса о несовершен-

нолетних преступников. В сравнении с разного рода экономическими, семейными, возрастными и иными факторами социального неблагополучия несовершеннолетних преступников, гендерный аспект рассматривается в качестве значимого базиса картины подростковой преступности чрезвычайно редко. В то же время соотношение долей девочек (девушек) и мальчиков (юношей) – участников преступлений стабильно и в гендерном отношении крайне красноречиво. Так, например, в последние годы принято говорить о, так называемой, «тенденция феминизации подростковой преступности» [6]. Имеется в виду некоторый скачок в показателях «девичей» доли среди малолетних преступников с традиционных 8 до 12%.

Ни в коем случае не призывая игнорировать сложный характер и причины «девичей» преступности, необходимо подчеркнуть, что на самом пике данной «феминизации» (12%) доля мальчишеской (юношеской) преступности остается на уровне 88%. И это значение на данный момент считается минимальным. Таким образом, учитывая, что подавляющее большинство малолетних преступников мужского пола, а также то, что среди преступлений несовершеннолетних «значительна доля тяжких и особо тяжких преступлений (22–30%)» [6], отсутствие внимательного изучения гендерного аспекта, так называемой, «подростковой» преступности вызывает, по истине, глубокое удивление.

Вопрос № 2. Суицид.

Следующая проблема, гендерному аспекту которой уделяется неоправданно мало внимания – проблема суицида. Безусловно, суицид является одной из серьезнейших общечеловеческих проблем. Так, например, согласно информационному бюллетеню Всемирной организации здравоохранения (сентябрь 2016 г.) «ежегодно более 800 000 человек лишают себя жизни, а значительно большее число людей совершают попытки самоубийства. Каждое самоубийство – это трагедия, которая воздействует на семьи, общины и целые страны, оказывая долгосрочное воздействие на живущих. Самоубийства происходят на протяжении всего жизненного цикла, и в 2012 году они стали второй ведущей причиной смерти среди молодых людей 15–29 лет в глобальных масштабах» [8]. Также согласно ВОЗ, число смертей в результате самоубийств превышает число погибших на войне и в результате насильственной смерти. Каждые 40 с 1 человек на нашей планете добровольно уходит из жизни.

Рассмотрение данного вопроса в гендерном ключе открывает мужской характер проблемы суицида. Число законченных самоубийств среди

мужчин в среднем в 3 раза больше, чем среди женщин [2. С. 13]. С возрастом (65–85 лет) это соотношение существенно увеличивается. Несмотря на явную связь мужских практик и представлений о мужественности со склонностью к суицидальному поведению, о чем можно судить на основании приведенных статистических данных, вопрос о специфических мужских предпосылках этой проблемы по существу в современном научном сообществе не ставится совсем. Рассуждение о глобальном характере проблемы суицида и необходимых методах профилактики суицидального поведения даже в официальном докладе ВОЗ преимущественно рассматривается в контексте вопросов о возрасте, материальном благополучии, доступности орудий самоубийства и т.п., не затрагивая при этом явные гендерные особенности данного вопроса.

Что касается Российской Федерации, общемировые тенденции находят здесь свое полное подтверждение и в стабильном преобладании мужских самоубийств, и в невидимости мужского контекста этой проблемы. По общему числу суицидов Россия занимает шестое место в мире, а по количеству самоубийств среди детей и подростков – первое место в Европе [4. С. 1]. По данным материалов, подготовленных ГНЦССП им. В.П. Сербского, мальчики совершают завершённые суициды в 4–5 раз чаще, чем девочки [5].

Вопрос № 3. Депрессии.

Масштаб депрессий у мальчиков и юношей в настоящее время недооценен по существу. Этот факт связан с разного рода сложностями диагностики депрессивных состояний в мальчишеской среде. Во-первых, очень часто подавленное состояние психики может быть обнаружено на основании специфического поведения (плаксивость, постоянные жалобы) и соответствующих просьб о помощи со стороны пациента. Однако данный тип поведения, предполагающий эмоциональную открытость и обращение за поддержкой, относительно мальчиков и юношей представляется недоступной роскошью, которую в силу специфики воспитания и норм социализации могут себе позволить женщины, но которая в мужской сфере жестко табуирована. Во-вторых, вербализация переживаний и эмоциональных состояний также вследствие специфических норм мужской социализации среди мальчиков значительно затруднена, что выражается в такой проблеме как алекситимия (отсутствие в лексиконе средств для выражения эмоций). Как отмечает профессор гарвардской медицинской школы, доктор Уильям Поллак, «...из всех культурных

ограничений, накладываемых на мальчиков, самым жестоким я считаю запрет на выражение грусти. Это самое распространенное клише: «Большие мальчики не плачут!» «Держись! Забей на это!» И хотя каждый мальчик время от времени грустит, мальчики рано учатся не плакать, не говорить о своей печали и не обращаться к другим за помощью. Мальчишеский кодекс накладывает эти ограничения» [7. С. 396]. Поскольку общество, таким образом, воспитывает в мальчиках разнообразные техники сокрытия своих негативных переживаний, обнаружение действительных эмоциональных проблем в мальчишеской среде становится в высшей степени затруднительным. «Добавьте сюда тот факт, – продолжает У. Поллак, – что мы в принципе не предполагаем, что мальчики могут впадать в депрессию, и то, что даже если мы подозреваем депрессивное состояние у мальчиков, мы часто прибегаем для диагностики к неподходящим методам, которые разработаны для диагностирования депрессий у взрослых женщин – и вы поймете, почему мы так часто теряемся, когда наши сыновья несчастны и часто не можем распознать (или признать) депрессию, когда она случается у подростков-мальчиков» [7. С. 396]. Вследствие указанных причин диагностика депрессивных состояний у мальчиков и юношей должна учитывать специфические факторы мужской социализации в современной культуре. Необходимо иметь в виду то негативное влияние «закалки» или методики последовательного подавления эмоциональности, которое оказывает общество на взрослеющего мужчину. Уильям Поллак предлагает в этой связи существенно пересмотреть список симптомов, сигнализирующих о подавленном эмоциональном состоянии мальчиков, и отнести к таковым те признаки, которые традиционно не связывались с депрессиями. Например, признаками депрессивного состояния могут служить растущая отчужденность в отношениях и проблемы в дружбе, все более частые или интенсивные вспышки ярости, отрицание боли, трудности с учебой, нарочитая придурковатость (мальчик специально стремится быть объектом насмешек), возникший или возобновившийся интерес к алкоголю и наркотикам, радикальное изменение сексуального поведения, более рискованное, чем обычно, поведение, разговоры о смерти, умирании, самоубийстве [7. С. 416–423].

Каждый из рассмотренных вопросов имеет свою специфику и, тем не менее, все они демонстрируют необходимость пристального внимания к гендерному аспекту самых острых социальных проблем. Нельзя более продолжать говорить об абстрактных детях и подростках.

Общество в лице родителей, педагогов, воспитателей, социальных работников и ученых должно, наконец, стать гендерно чувствительным! Благодаря этой чувствительности станет возможным более специализированное, а следовательно, более эффективное «вглядывание» в основные сложности социализации наших мальчиков и девочек. Не потому что мальчики и девочки якобы «диаметрально противоположны от природы», но потому что они находятся в разных ситуациях, общество предъявляет к ним разные требования, оказывает на них давление разной степени и направленности.

Именно в этом ключе развития гендерной чувствительности в обсуждении и разрешении детско-подростковых проблем зарождается в конце XX – начале XXI веков современное междисциплинарное направление в социальных науках – Boyhood studies, классиками которого уже сегодня можно считать Уильяма Поллака, Джеймса Гарбарينو, Элизабет Бадентэр, Дэвида Гилмора, Игоря Кона. Методологически Boyhood studies базируются на более широком направлении исследований – Men's studies и исходят из убеждения в том, что причины многих мальчишеских проблем связаны с закрепленным в обществе традиционным представлением о мужественности. Это представление содержательно базируется на противопоставлении женственности и распределяет необходимые человеческие атрибуты на два типа, приписывая каждый из них соответственно одному из полов. Таким образом, традиционное представление о полах объявляет женскими, а, следовательно, исключает из мужского поля, такие значимые характеристики, как эмоциональность, привязанность, ориентированность на внутри семейную самореализацию, осознание и проговаривание своих чувств, в том числе и негативных (страх, стыд, неуверенность). На этом пути исключения зарождается классический эталон «настоящего мужчины» как эмоционально скованного, физически развитого, бесстрашного и неуязвимо мачо. Данный эталон культивируется и романтизируется в обществе, обретая значение социального императива, обращенного к каждому индивиду мужского пола и требующего от него реализации указанных выше характеристик. В мальчишеской среде данный императив распространяется в виде некоего неписаного набора правил и табу, нацеленных на подчинение мальчиков (будущих мужчин) эталону Настоящей Мужественности. Этот свод жестких требований Уильям Поллак называет «мальчишеским кодексом». «Мальчишеский кодекс» обладает огромным влиянием на мальчишескую среду, конструируя будущих мужчин в соответствии с принятыми нормами маскулинно-

сти, поощряя одни стили поведения и табуируя другие. Главным предметом системы табу в данном случае выступает сфера эмоционального традиционно считающаяся пограничной зоной, разделяющей типично мужские и типично женские качества. «В сфере эмоций мальчики и девочки различаются не столько по своей реактивности, – отмечает Игорь Семенович Кон, – сколько тем, какие именно эмоции у них поощряются, а какие табуируются. У мальчиков культивируются сильные эмоции, связанные с отношениями господства и власти (гнев, любовь к острым ощущениям) и табуируются проявление и осознание слабости, будь то страх, нежность или стыд» [3. С. 307]. Носителями данного кодекса являются как самое близкое окружение мальчиков (родители, воспитатели, учителя), внушающее им императив «крепкого орешка» практически с самых первых дней жизни, так и разного рода продукты культуры, такие, как СМИ, кинофильмы, компьютерные игры и т.п. Будучи воспринят в мальчишеской среде, императив «настоящей мужественности» преломляется в жесткую и безальтернативную систему запретов, продуцирующих общее силовое напряжение в мальчишеских коллективах («слабак!»), запрет на проявление эмоций («тряпка!»), противопоставление девочкам как доказательство мужественности («баба!»), запрет на близость с матерью («маменькин сынок!»). «Я вижу, что мальчики, – пишет Уильям Поллак, – стыдясь своей уязвимости, прячут свои эмоции и, в конечном счете, свое подлинное лицо... Со временем его чувствительность подавляется настолько, что он теряет связь со своим внутренним Я. И тогда мальчик “закаляется”, делается таким, каким общество хочет его видеть» [7. С. 21].

Таким образом, необходимо эксплицировать связь между классическим эталоном мужественности, исключаящим из легитимной сферы мужского осознание и принятие эмоций, и распространяющим свое влияние на мальчишескую и юношескую среду в форме безальтернативных требований и жестких табу, с одной стороны, и «мужским лицом» многих остро стоящих в современности социальных проблем, – с другой. До тех пор, пока наши мальчики, зажатые в тиски гендерных стереотипов не смогут себе позволить быть нежными и чувствительными, говорить о своих эмоциональных проблемах, признавать свои слабости и просить о помощи, вряд ли общество может надеяться на преодоление или хотя бы смягчение тяжелой ситуации в плане мужской преступности, мужских суицидов и мужских депрессий. Основная социальная стратегия на данный момент состоит в том, чтобы попросту не замечать мужской ха-

ракетер этих острых проблем. Ну что ж, результаты этой слепоты, к сожалению, «на лицо»!

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. 264 с.
2. Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г., Антонова О.И., Никитина С.Ю., Евдокушкина Г.Н., Чернобавский М.В. Смертность российских подростков от самоубийств. М. : БЭСТ-принт, 2011. 133 с.
3. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М. : Время, 2009. 1406 с.
4. Краснопольская И. Линия смерти // Российская газета. 15 марта 2013 г. № 6032. С. 1.
5. О суицидальной ситуации в среде несовершеннолетних // Сайт отдела образования Администрации Мордовского района Тамбовской области. URL: http://mordovoobraz.68edu.ru/index.php/deyatelnost/vospit_rab/aidisprofilaktika/136 (дата обращения: 9.01.2017).
6. Ображиев К.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: основные криминологические параметры // Правовая инициатива. 2015. № 2. URL: <http://xn--b1aiui.xn--p1ai/ru/2015/2/17> (дата обращения: 9.01.2017). DOI: 10.17413/2015-2-17
7. Поллак У. Настоящие мальчики. Как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве / Пер. Елены Жолниной. 2-е изд., испр. и доп. М. : Ресурс, 2014. 512 с.
8. Самоубийство. Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения (Сентябрь 2016 г.). URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru/> (дата обращения: 9.01.2017).